

Жизнь и необычайные приключения писателя Войновича

(рассказанные им самим)

Глава пятьдесят седьмая

Это успех!

Черная Африка пробуждается

Поскольку тот коллектив, куда я попал, назывался редакцией сатиры и юмора, все редакторы, все приходящие авторы и все просто заходившие мимоходом к нам работники соседних редакций считали, что здесь надо шутить, шутить и шутить. И все без конца шутили, показывая, что у них есть чувство юмора, и все громко смеялись, показывая, что не только шутить, но и понимать чужие шутки умеют. Шутки были неприятные, свою одну я запомнил. Она состояла в том, что я звонил Наташе Сухаревич или Ветке Акимовой по телефону и разыгрывал их. Соль розыгрыша была в том, что я звонил из-за соседнего стола. Тем не менее все были довольны, хохот в редакции стоял с утра до вечера.

Наши передачи составлялись из сочинений авторов, писавших скетчи, фельетоны, юморески и репризы для эстрады, цирка и журнала «Крокодил». Материалов было много, но трудность выбора между ними для меня заключалась в том, что мои коллеги одни материалы выбрасывали в корзину, а над другими хохотали, как сумасшедшие. Мне же все эти тексты казались одинаково несмешными, и я никак не мог понять, в чем разница между тем, что здесь считается плохим, и что хорошим.

Готовя первую передачу «Веселый спутник», я попытался сориентироваться на господствовавший в редакции вкус и выбрал из кучи материалов то, что, как я думал, понравится начальству.

— Какой кошмар! — сказал, прочтя подготовленный мною текст, главный редактор Валентин Козлов. — У тебя что, совсем нет чувства юмора? Выбрось это и никому не показывай.

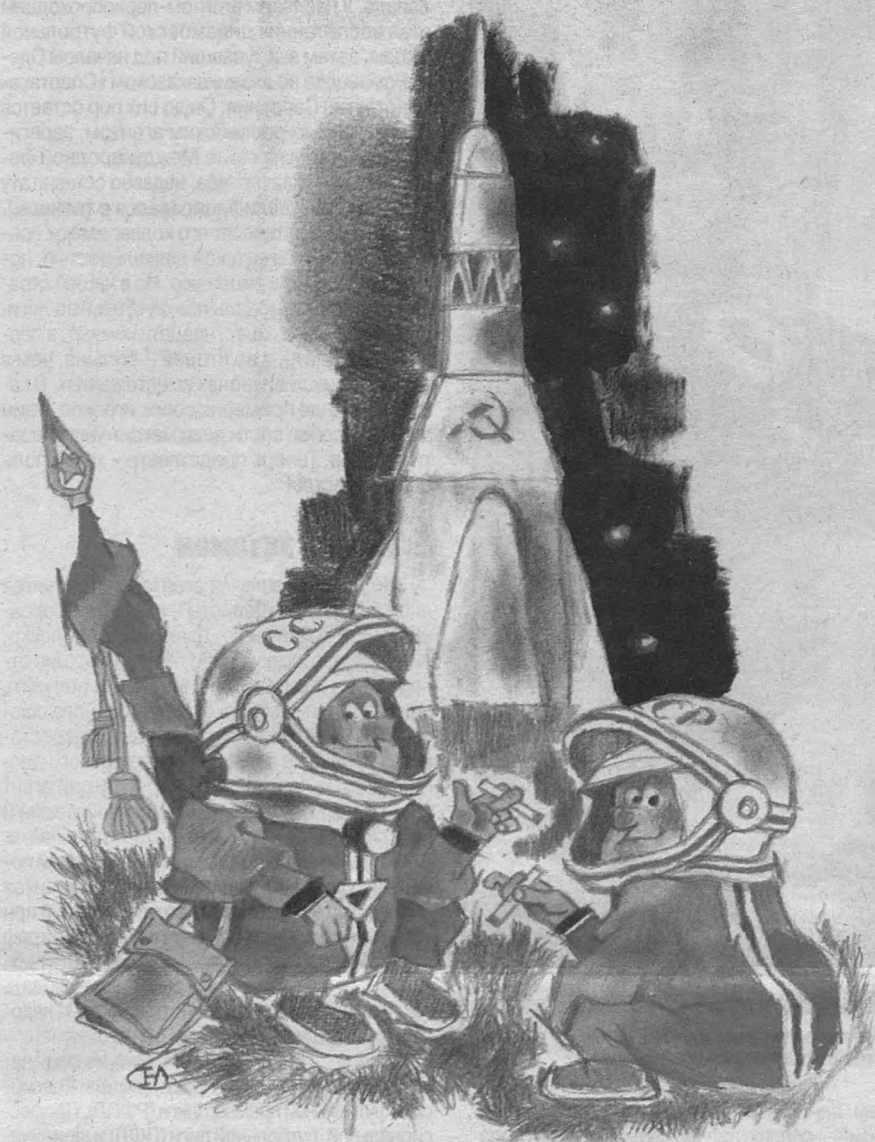
В другом жанре успех мой тоже оказался сомнительным. Наташа Ростовцева готовила передачу из стихов африканских поэтов и предложила мне написать вступление. Я прочел стихи и приуныл. Это была просто какая-то абракадабра, во всей подборке я не нашел ни одной живой строчки. Тем не менее я отнесся к заданию ответственно, трудился два дня и, в конце концов, выдал из себя полстраницы текста, который по бездарности мог вполне соперничать со стихами. «Черная Африка, спящая Африка пробуждается от вечного сна», — так началось мое творение.

Испытательный срок подходил к концу, и я с тревогой ожидал момента, когда мне объявят, что в моих услугах редакция сатиры и юмора больше не нуждается. Судьба, однако, на этот раз оказалась ко мне благосклонной.

Как-то к концу рабочего дня я заметил, что Наташа Сухаревич обзванивает известных поэтов-песенников и просит их написать песню на «космическую тему». Тогда, в сентябре 1960-го, люди в космос еще не летали, но уже летали собаки, и ясно было, что и человек вот-вот полетит. «Космическая тема» была в большой моде, не случайно главная наша передача называлась «Веселый спутник». Вот и Наташе срочно понадобилась песня о космосе. На вопрос поэтов, к которым она обращалась, когда нужен текст, Наташа отвечала: «Через две недели».

«Помчат нас вперед от звезды до звезды...»

Не знаю, как сейчас, а тогда поэты-песенники были люди богатые, ущербные и обидчивые. Они знали, что настоящие стихотворцы, такие как Пастернак, Ахматова или Заболоцкий, к ним относятся без всякого уважения, считая их тексты не имеющими ничего общего с высокой поэзией. Такое мнение обижало песенников, и они возражали, что все те, кто их презирает, сами были бы рады написать по песенке, но не умеют и просто завидуют им, их славе и гонорарам. Любому сочинителю песенных текстов мог спросить: а кто такой Пастернак, кто Ахматова, кто Заболоцкий? Какими тиражами издаются их стихи? Кто их читает? И что они за свои стихи получают? А мои стихи знает весь советский народ. И гонорары, которые получал песенник, тоже укрепляли его во мнении о безусловной важ-

ГЕННАДИЙ НОВИЦОВ

Наташа читала текст, сочиненный мною за ночь, без всякого выражения на лице. «Не понравилось», — решил я. С тем же непроницаемым выражением она придвинула к себе телефон и позвонила знаменитому композитору Фельцману:

— Оскар Борисович, у меня для вас есть потрясающий текст. Пишите: «Заправлены в планшеты космические карты, и штурман уточняет в последний раз маршрут. Давайте-ка, ребята, закурим перед стартом...» Записали? Теперь пишите припев...

ности того, что он делает. А если уж говорить начистоту, многие серьезные поэты были не прочь написать популярную песню, но высокомерно скрывали, что им этого хочется. Не скрывал Александр Твардовский. Он очень любил своего старшего друга Михаила Исаковского, сочинившего много замечательных песен, и сам не раз пробовал написать что-нибудь песенное, но у Твардовского не получалось, а вот у Долматовского или Матусовского получалось...

Услышав слова «две недели», песенники были возмущены легкомысленным отношением заказчицы к их непростому жанру. Она, говорили песенники Наташе, дает им такой короткий срок, не понимая, что настоящая песня должна быть выношена, выстрадана. После того как Наташу обругал уже упоминавшийся мною Лев Ошанин, она совсем расстроилась и продолжала листать телефонную книгу Союза писателей почти без всякой надежды.

Тут я решился сказать Наташе, что если у нее под рукой никаких других поэтов нет, я могу попробовать ей помочь.

— Ты? — она посмотрела на меня с недоверием. — А ты что, пишешь стихи? Я признался: да, пописываю. — Но ведь песни ты никогда не писал? — Не писал, — согласился я, — но могу попробовать. Она долго молчала, думала. — Ну, хорошо. А сколько времени тебе нужно?

— Завтра принесу, — сказал я. Ей терять было нечего, она сказала: — Что ж, дерзай.

Утром следующего дня я принес обещанный текст и, пока Наташа читала, следил за ее реак-

цией со страхом. А реакции никакой не было. Она читала текст, словно проходную газетную заметку, без всякого выражения на лице. «Не понравилось», — решил я. С тем же непроницаемым выражением она придвинула к себе телефон и набрала номер:

— Оскар Борисович, это Наташа Сухаревич. У меня для вас есть потрясающий текст. Пишите: «Заправлены в планшеты космические карты, и штурман уточняет в последний раз маршрут. Давайте-ка, ребята, закурим перед стартом, у нас еще в запасе четырнадцать минут». Записали? Диктую припев: «Я верю, друзья, караваны ракет помчат нас вперед от звезды до звезды...» Что? Рифма? У вас, Оскар Борисович, испорченное воображение. Наши слушатели люди чистые, им такое и в голову не придет. «...На пыльных тропинках далеких планет останутся наши следы», Оскар Борисович, следы, а не то, что вы думаете...

Оскар Фельцман был очень известный композитор, автор песен, которые тогда называли шлягерами, а теперь хитами, которые распевались на улицах, в поездах и ресторанах. Неужели сам Фельцман превратит мои слова в шлягер? Я настолько привык к неудачам, что еще одну принял бы со смирением...

К концу дня Фельцман позвонил: музыка готова, кто будет петь? Я подсказал Наташе:

— Предложите Бернесу.

Бернеса не нашли, зато нашли Владимира Трошина, актера МХАТ. В театре он был на второстепенных ролях, но как эстрадный певец очень популярен. Песню записали на пленку, пустили в эфир — и она сразу стала знаменитой. За полгода работы на радио я написал штук сотню песен. Некоторые из них стали широко из-

вестными («Рулетэ», «Футбольный мяч», «Комсомолы двадцатого года»), но карьера песенника меня не привлекала, и я от ее продолжения отказался. Многие считали такое мое решение глубоко ошибочным. Ценности своих текстов я никогда не преувеличивал, но мне и сейчас время от времени приходится слышать сочиненные мною слова о невесте, ушедшей к другому, кому неизвестно еще повезло или нет. И, признаюсь, слышать это приятно.

Полоса везения

Сентябрь 60-го года оказался временем наибольшего везения в моей жизни. Удачи сыпались одна за другой. Песни принесли мне заработка, о которых я не смел и мечтать. Я купил себе приличный костюм, ботинки, пальто и шапку, придел жену и дочь. В комнате появился телевизор, а в коридоре мотоцикл. Но самая большая удача тоже не заставила себя ждать.

Так и не получив никакого ответа ни из «Юности», ни из «Дружбы народов», я отпечатал повесть «Мы здесь живем» еще раз и отправил в «Новый мир». В метро тогда только что ввели турникеты с жетонами (после денежной реформы на смену жетонам пришли пятаки). Бросаешь в щелку жетон, турникет тебя пропускает. Не бросил — турникет защелкнется с ужасным лязгом. Я жетон купил, но в последнюю секунду почему-то подумал: «Вот если турникет пропустит меня без жетона, значит, все у меня получится».

И он меня пропустил!

Я человек не суеверный, но знаки судьбы мне время от времени посылались, и не поверить в них мне было трудно.

В редакции «Нового мира» служила тогда консьержка — пожилая дама из «бывших». Мне говорили, что прежде чем впустить начинающего автора, она долго расспрашивала, куда, к кому и с какой целью он идет, после чего предлагала не ходить ни в какой отдел, а направляться к секретарю редакции Наталье Львовне, сдать ей рукопись и ждать отзыва недели через три-четыре.

— А какой будет отзыв? — спрашивал доверчивый автор.

— Отрицательный! — радостно уверяла его консьержка. — У нас всегда и всем пишут отрицательные отзывы.

Старушку эту я странным образом обошел и толкнул дверь в отдел прозы, где сидела хмурая, как мне показалось, женщина Анна Самойловна Берзер.

— Что вам угодно? — спросила она.

— Вот написал повесть.

— Хорошо. Отдайте секретарю, пусть зарегистрирует.

— Нет, я этого делать не буду.

— Почему? — Анна Самойловна удивленно подняла брови.

— Потому что заранее знаю, что будет дальше. Секретарь мою рукопись зарегистрирует и передаст кому-нибудь из рецензентов. А я ваших рецензентов очень хорошо знаю. Они получают деньги в зависимости от прочитанного объема по тридцать рублей за печатный лист. Им некогда вдаваться в достоинства текста, им важно просмотреть текст по диагонали, написать отрицательный отзыв и бежать в кассу.

Анна Самойловна меня слушала, кивала головой, а один раз даже почти улыбнулась.

— Чего же вы от меня хотите?

— Я хочу, чтобы вы сами прочли мою рукопись.

— Это исключено, — сказала Берзер. — Я занятый человек и не могу читать все, что приходит нам в редакцию.

— Понимаю, — не стал спорить я. — Но у меня к вам просьба. Прочтите первые десять страниц, и если вам не захочется прочесть одиннадцатую, верните мне рукопись без всяких объяснений.

Видимо, мое предложение показалось ей все-таки необычным.

— Ну, хорошо, — сказала она как будто бы даже с угрозой. — Десять страниц я прочту.

На том и порешили. Рукопись осталась у Анны Самойловны, я ушел. Это было в понедельник. А в субботу я получил телеграмму: «ПРОШУ СРОЧНО ЗАЙТИ РЕДАКЦИЮ НОВОГО МИРА ТЧК БЕРЗЕР».

Я позвонил Камилу Икрамову и прочел ему телеграмму.

— Володька! — прокричал он мне в трубку. — Это успех!

Продолжение следует